Павлов Олег

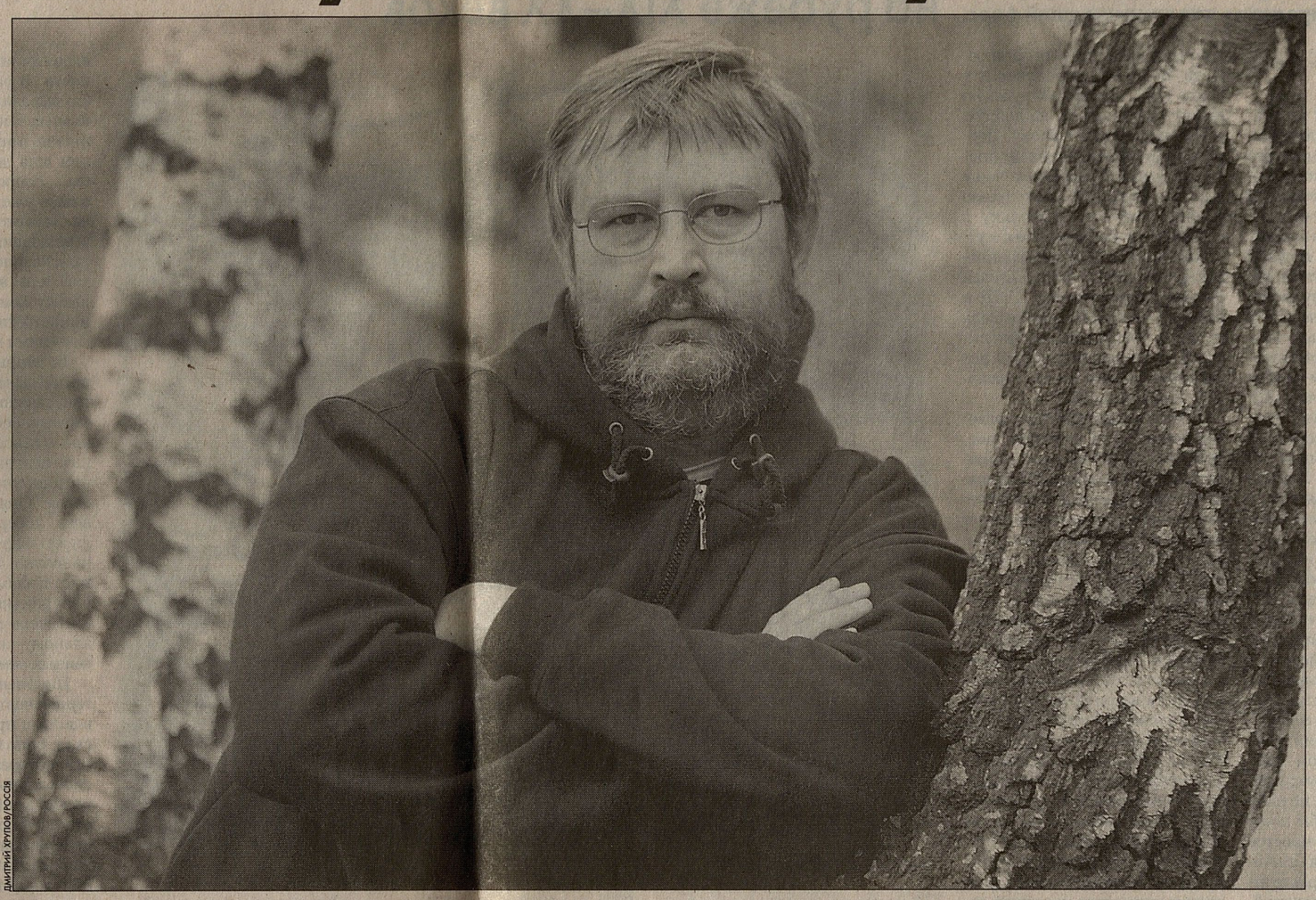
05.10.05

Россія. – 2005. – 5 окт. – с.14

Беседовал Александр Васильев

Олег Павлов – один из немногих писателей, кто постоянно выступает с лекциями о современной литературе в российских университетах, привлекая внимание к русской прозе в самой России. Как публицист заявил свою тему остросоциальными статьями и очерками – «Нелитературная коллекция», «Русские письма», «Дневник больничного охранника». В то же время выступал как литературный критик.

Олег ПАВЛОВ:
Бессмысленность сама взыскует к смыслу



ДМИТРИЙ ХРУПОВ/РОССІЯ

Полемические статьи Павлова публиковались на страницах ведущих отечественных изданий и стали заметным явлением в литературной жизни последнего десятилетия.

Эссе о творчестве Платонова, Пришвина, Солженицына, Шаламова и современных русских писателей вошли в циклы «Классики и современники», «Метафизика русской прозы», «Русская литература и крестьянский вопрос».

— В последнее время вы, на мой взгляд, больше обращаетесь к публицистике, нежели к прозе. Чем это объясняется: ответом на вызов времени или, может быть, каким-то разочарованием в прозе?

— Нет у нас публицистики. Ну кого сегодня назовешь публицистами — Познера, Леонтьева или там какого-нибудь Диму Быкова? Кусками это безжизненная политическая аналитика, кусками — какое-то шоу. Я уж не говорю о газетах. Герои газетных полос — это политики, финансисты, эстрадные звезды... Попса как коллективный проповедник масс. Раньше, когда не было свободы, право голоса имели лучшие люди — те, кто мог сказать о том, о чем остальные сказать не смели. Их выбор был выбором совести. И вот свобода... Голосует большинство... Что происходит, если каждые пять лет предлагается людям делать выбор, скажем, каким станет «будущее страны»? В микроскопическом масштабе все обыватели — это вероотступники. Сегодня верили в Пупкина, завтра отреклись от веры в него и веруют только в Попкина, который что-то пообещал. А выбирают, между тем, Мессию — спасителей своих, как сами же думают. Можно сказать, что в каком-то смысле Иуда разочаровался в кандидатуре Христа и не поверил в его предвыборные обещания. Мы же становимся иудами поневоле, так как нам предложено верить в саму необходимость тех или иных перемен, то есть в смену путей и вер, как будто нельзя все устроить раз и навсегда по одному справедливому закону и одним мудрым правилам. Свободный труд — вот что самое важное. Сравни — «свобода слова». Другое совсем. Можно быть бездельником и прочее. А кто даст гарантии, что свободная печать не станет лгать обществу в интересах своих хозяев? Что она не станет рупором для аморальных людей и они-то получат свободу? Так и получилось.

Нравственный человек тот, кто сам в поте лица трудится и не пользуется при этом чужим трудом, то есть не присваивает его себе. А права человека, свобода слова — это новейшие утопии. Как и всякие утопии, поведут в никуда через кровь. Даже право на жизнь — и то не введешь законом. Прирежут в подворотне из-за кошелька, ну и все. Но как заставишь даже просто уважать своего ближнего, а не то что любить? Вера, жизнь по законам веры — это уже вовсе не утопия, потому что каждый человек может победить зло в себе, но только силой своей воли, направленной к добру. Не под страхом наказания, а волей к добру.

Теперь мало кто думает, как решить тот или иной вопрос по совести или хоть по справедливости — всему мерило выгода, деньги, а это и значит, что у нас уже нет общественной постановки нравственных вопросов. Что может тут сделать публицистика? Какой ясности потребовать и в ком пробудить сочувствие, сознание, совесть? Солженицын пишет «Россию в обвале», но она уж обвалилась — а им написанное это рефлексия, которую принять душой в виде очередной нервной судороги и прочее уже мало кто в состоянии. Публицистика — как достояние только литературы. Боль за утрату, облеченная в слово, отчего и получается трагическое произведение литературы. Вот и я пишу болью... Больно — вот и пишу. Говорят, очерняю действительность. Когда это слышу, тогда и смешно до слез: как может быть, чтобы даже такое, книжное, отражение реальности так пугало? Ладно, книжку даже захлопнете, но разве можно жизнь-то захлопнуть?

— К вопросу о публицистике. На недавних Астафьевских чтениях в Перми ваше выступление о крестьянском вопросе вызвало бурную дискуссию. Почему именно — о крестьянском вопросе? Ведь сейчас и в литературе практически эта тема пропала, и публицисты не часто обращают на нее внимание, скажем прямо... Почему вас она задела?

— Эта тема меня сама нашла. Сначала я получил приглашение побывать на родине Бориса Можаева, в селе Петелино Рязанской области. Сейчас многие русские писатели просто забыты. Многие это время не смогли пережить: умирали так, будто погибали, и о них тут же забывали. Так вот ушел, по-моему, Можаев — автор знаменитой повести «Живой». После его смерти вышла стараниями Солженицына книга «Земля ждет хозяина». Я о книге написал. Написал о книге — пригласили приехать на его родину, на дни памяти. А деревни я до этого никогда не видел. Он описывал свою родину — свою деревню, свой крестьянский род, и увидеть хотелось эти места — знаешь, как сказано, «лучше увидеть глазами, нежели бродить душой», так вот и я бродил душой по этой русской деревне, когда читал о ней, и мне хотелось ее увидеть, вот именно можаевскую деревню, он меня вел...

— Ну и какой вы ее увидели?

— В книгах все как-то обволакивается любовью, тоской, печалью, а там жизнь безо всяких красивостей, какая есть — и бедность, и серость... Замечательные люди, но почему-то получается, что хорошие люди не могут сделать свою жизнь хорошей, а кто-то им все время делает плохую — вот такое ощущение. Собрались в столовой, был обед праздничный — и съехались все председатели колхозов, мужики. Я сидел рядом с парнем моих лет — оказалось, что он председатель. Спрашиваю: «Что у вас происходит, как живете?» Он говорит: «А зачем тебе это знать?» — «Правду хочу понять». — «Пьют.» — «То есть как — пьют?» — «Мужики пьют, бабы пьют, дети пьют. Все пьют — вот тебе правда, ну и что с ней делать будешь?» Работает — не закрыт — только завод, который водку выпускает; одним эту водку дает пить, другим — на этом деньги зарабатывать... Вот такая правда. Как это понять? Свет жизни померк...

Когда смотришь фильмы советского времени — сколько там света и лиц светлых. И ведь не лживые они. Скажем, «Я шагаю по Москве» или «Живет такой парень» разве ложью были? Нет, правдой. О том, что было в той жизни плохим, всё знаем. А что же источником этого света было? Что? По-моему, равенство людей, оно же и внушало каждому человеческое достоинство. И оно теперь исчезло, а осталась только та же самая, веками протоптанная дорожка в кабак, за водкой.

Потом пригласили поехать в Чусовой, на родину Астафьева. Типично русский промышленный город. Промышленный — сильно сказано: стоит один завод, дымит, отравляет... Баракоподобные здания. Такой глухой нецентральный город.

Потом побывал на Алтае — в Сростки шукшинские поехал. Другая там, конечно, деревня. Мужики богаче... Председатель колхоза — бывший учитель. Но пути не знает никто своего... Я сам только то и понял, что живу в России, русский человек и даже русский писатель, — а о народе своем, о жизни людей ничего не знаю; только по книгам, да и те не все читал. Ладно, прожить эту судьбу не могу, другая она у меня, но хотя бы узнать могу?.. И начал опять же книги читать. Читал деревенщиков — Распутина, Абрамова, Солоухина, Яшина... Словом, всех. И решил написать — сначала очерк о деревенской прозе, потом понял, что эта тема шире, — и крестьянский вопрос прошел через всю литературу. У нас начиная с Кольцова, Никитина — крестьянская поэзия еще когда появилась, и вся советская литература была крестьянской по своему происхождению...

И все время шло противостояние в нашей культуре — европейского сознания и народной традиции, даже не народной, а вот именно русской. И в литературе — то побеждает европеец, то русский мужик. В XX веке побеждают Платонов, Шолохов — люди земли, но это же время катастрофы, того, что у нас называется «крестьянской трагедией», хотя началась-то она с крестьянской войны, когда мужики лишили бытия русское дворянство: жгли, убивали, грабили, освобождая для себя землю.

— Что же это такое — пресловутый крестьянский вопрос? Термин-то есть, а что за ним стоит?

— Крестьянский вопрос в России формулировался всегда одинаково — это «чья земля?». Вроде простой вопрос, потому что в обществе, где торжествуют законы, этот вопрос решается по праву собственника: купил землю, получил право собственности — значит, ты ее хозяин. А в России так никогда не решалось, в России у земли никогда, по сути, и не было-то хозяина, потому что хозяином земли всегда было государство или царь-батюшка. Вот вопрос: кому принадлежит земля? Русский мужик всегда считал, что земля принадлежит Богу, она общая, значит, делить ее надо обществом, а общество — это сами мужики. Такое утопическое сознание привело к революции.

— И что сейчас с этим вопросом у нас происходит?

— Что сейчас происходит — не понимаю. Спрашивал всегда всех, кто имеет отношение к сельскому хозяйству: что происходит? Они сами объяснить не могут, что происходит. Что такое колхоз — мы еще понимаем. А сегодня в массе своей крестьяне стали просто наемными рабочими, чего никогда в России не было. Наемные рабочие на земле. Но права собственности на землю нет в России, не принято до сих пор.

Что удивительно — все покрыто молчанием. Нельзя найти статистику. Допустим, какая смертность на селе? Нет никаких научных или хоть документальных описаний происходящего. Это наша земля, вот мы живем на этой земле, кормимся от этой земли — а изучать ее прекратили. До революции изучался быт, все изучалось, выходила масса книг, да и после — читайте, что писал Чаянов; была публицистика в советское время — она объясняла происходящее, тот же Можаев... А тут никто ничего не хочет понимать и думать не хочет; вот где-то живут миллионы людей — и мы о них ничего не знаем... Мыслимое ли дело, скажем, прочитать сегодня в литературном журнале очерк о реальной жизни людей на земле, на заводах? Екимов есть вот один на всю литературу, пишет еще о деревне, и как это понять? А вот «Новый мир» был Твардовского — и были авторы почему-то; читали, знали...

— Вы имеете в виду публицистику или прозу?

— И публицистику, и прозу. Все это слитно. На самом деле, кровоток этот прекратился. Допустим, пенсия в России — средняя две тысячи рублей. Как на эти деньги человек может прожить? Я понимаю, что можно прожить неделю... Ну а люди-то как живут, старики? Хоть кто-нибудь знает об этом? А вот русская литература распахивала горизонты жизни, она всегда соответствовала этой жизни. Читаешь какого-нибудь Мельникова-Печерского, не первый даже ряд, — в изумление приходишь, какое знание жизни, всех и каждого... Вся Россия, какая она есть, — вдоль и поперек.

— А чем же сейчас литература занимается? Журналы пусть малыми тиражами, но выходят. Книги выходят...

— В моем понимании не русская литература кончилась, а ее миф. Возник новый в России миф — криминальный. Огромный, гигантский. И он стал отражением реальности. Криминальный сюжет стал мифом, а миф — реальностью. В этой реальности есть место только для Донцовой и прочих. Если ты включаешь телевизор — все о криминале, все новости, уголовная хроника постоянно. За ними тут же — криминальные телесериалы. Все другие вопросы исчезли, только — убьют тебя или не убьют, обворуют или не обворуют. Мы в такое погрузились состояние, где властвуют одни инстинкты.

— Ну вообще-то задача литературы, как мне представляется, — как раз и выводить из этого состояния инстинктов...

— Бунина недавно читал; невероятная вещь: Россия, погруженная в революцию, он где-то в Одессе сидит, даже не в центре этого бардака; и вот он пишет дневник в гостинице замухрышной в Одессе — и как точно все чувствует, понимает, что происходит с Россией. Ему достаточно выйти, взглянуть в глаза извозчику, слово от него услышать, и он для себя все понимает, что произошло. Такое ощущение, что сейчас художники это чутье потеряли. Это вопрос совести, но ведь и слово такое уже давно не употребляется применительно к литературным задачам. Одно оно теперь, это задание, — успех.

— И с некой фатальностью продолжаем ехать по этой колее?

— Если советскому идиотизму и советской лжи появились какие-то механизмы противостояния и какие-то люди стали сознавать, что можно жить иначе и как можно жить иначе, то сейчас мы еще не выработали противоядие. Мы сейчас бултыхаемся во всем этом, уже понимаем, что это не жизнь, уже понимаем, что мы во лжи какой-то непонятной, но мы даже определить не можем, что это за ложь. Главное слово сейчас — «деньги». Все сейчас подчинено деньгам. Люди за деньги продаются, за деньги убивают, за деньги погибают. Художники — они пока что еще герои собственных романов о деньгах... сначала надо «насладиться» собственной нищетой, унижением — чтобы вдруг появились «Униженные и оскорбленные». Пока что многие тешат себя надеждой, что они встроятся в эту жизнь. Сначала хотят лучше жить... Думать начинают, что живут лучше других, и только. Но очень скоро, наверное, начинают считать, что существенно чем-то отличаются от остальных людей, поскольку живут гораздо богаче, иначе говоря — что *они* уже как люди лучше *нас*. Вот что в России началось... Началось! А самые модные прозаики сейчас — это бывшие артисты: Гришковец, Геласимов, модный автор.

Сначала я не понимал, а недавно понял для себя, в чем дело. Почему, допустим, актерство сейчас побеждает в литературе? Потому что побеждает сама установка на успех в литературе. Актер, если он играет свой спектакль в пустом зале, если нет аплодисментов, — он может повеситься. Хотя это может быть гениальный спектакль и гениальный актер. Актер, пусть он даже играет величайшие страдания, он все равно играет на публику, на зал. Это момент, когда ты зависишь от успеха, от публики. Русская литература никогда не зависела от успеха по одной простой причине — у русской литературы никогда не было читателя, вот это странная вещь. Как только она возникает... я считаю, что русская литература началась с «Жития» Аввакума, с его обращения к чтущим и слышащим — кто читал тогда его «Житие»?.. Потом появляется Радищев несчастный, книгу которого тут же сожгли. Какие-то журналы появляются, которые читаются узким кругом людей, для которых французский все же понятней был родного языка. Какой читатель был? Не было. Самый успешный роман Достоевского за его писательскую карьеру был роман «Бесы», издан тиражом 700 штук, которые он продавал и считал, что это огромный успех — купили 700 книжек. Потом — новый век. Одна часть русской литературы вообще оказывается вне собственной страны — Набоков, Бунин и остальные. Их в России не читают, у них нет читателя, а это громадные писатели. Они существуют и развиваются вне своего читателя, вне русского читателя.

Дальше — больше, семьдесят лет запретов. Кто там кого читал при советской власти? Такая была интересная картина — миллионные тиражи, вроде бы самая читающая страна, но что эта страна читала, если ничего не выходило? Один раз было издано собрание сочинений Толстого, один раз полное собрание Достоевского издали, а в зарубежье и запрещенных не издавали. Кто читал Платонова? А ведь Платонов — гениальный писатель, сложно даже искать сопоставимых по масштабам. И вот наше время, когда притчей во языцех становится «нет читателя», «нет читателя»... Так что русская литература жила без читателя. В ней какой-то навык возник: она не стремится к развлекательности и даже к завлекательности, она этим и отличается. Если берешь европейский роман — вот с этого все и начинается, сразу приключения. А что такое русский роман? Ты открываешь «Войну и мир» — и читаешь о скуке, что царит в салоне госпожи Шерер, и это чтение на добрую повесть; а как начинается «Преступление и наказание» или «Чевенгур»?.. Вот тебе русская проза. И вообще если давать определение русской литературе, то я для себя вывел такое: русская литература — это та единственная в мире литература, которая делает художественной правду. А что такое правда? Это высшая честность во взгляде на себя и на мир, только вот приводящая всегда к несогласию с миром, его отрицанию. Но во имя чего? Русский человек здесь истин не ищет доказуемых. Правда для него — это святость.

— Тут мы уже к православию подходим, не так ли?

— Думаю, в России главное ощущение — это ощущение абсурда бытия. Человек находится в громадном пространстве, которое уму неподвластно, и для него главной ценностью в этом абсурде времени и места становится собственная вера. И вот эти поиски правды пока что закончены. Закончились поиски правды для русского писателя, для русской литературы и для русского читателя, который сейчас ищет совершенно другое.

Много писателей честных и людей честных много, но мы себя потеряли. Это состояние распространяется на все. Ну, например, сейчас Россия вроде бы богатеет. Есть какой-то стабилизационный фонд, туда стекаются какие-то деньги. Самое интересное — никто не знает, как эти деньги потратить. Вот проблема: отсутствие целей и понимания, а для чего оно нам нужно? Разные вопросы русская жизнь задавала — что делать, кто виноват, — а сейчас надо всем вопрос этот висит «зачем?». И первое, что скажут: «А зачем эта ваша правда нужна, мы ее и так знаем, вот по телевизору видели — жуть сплошная.» И в таком духе.

— То есть все эти проклятые вопросы остаются?

— Тут можно сказать так: бессмысленность взыскует к смыслу сама, и еще более жестоко. Даже деньги эти несчастные, которые скапливаются и никто не может объяснить, для чего они, куда они и какой в них смысл, когда-нибудь, наверное, обратятся в какой-то взрыв. Абсурд разрушает реальность. Когда масса этого абсурда будет огромной, мы будем раздавлены именно собственным непониманием происходящего — и начнется обратный процесс. Начнется обязательно.

На эти вопросы нужно будет обязательно искать ответ. Просто будет ли опять литература формой ответа — не уверен. Может, ответ будет в какой-то другой форме дан. Люди нашего времени еще избалованы. Мы привыкли к комфортной жизни — отсюда и слабость берется, потому что мы настолько себе все облегчили; мы уже даже яйцо вилкой не взбиваем — у нас миксер есть. И скорее всего, что в будущем будет такое количество вопросов, такое количество проблем, что просто ни у кого руки не дойдут до каких-то там книжек.

Сейчас чувствуешь это, как раскаты грома, — легонечко трясутся окна. И может быть, поэтому все настолько легкомысленно, настолько люди легкомысленны и искусство легкомысленно, потому что дальше жизнь будет все труднее и труднее во всех смыслах. Мир устроен несправедливо. А уже думаешь: да пусть и устроен несправедливо, но только бы оставался миром. Все же не всякий человек превращается в зверя в самых тягчайших условиях. Этот человек и должен быть твоим героем, образом твоим сердечным, потому что прежде всего он достигает в своем сердце того, на что уж не взглянешь как-то снисходительно или поучительно, — согласия с миром Божьим.

Разные вопросы русская жизнь задавала – что делать, кто виноват, – а сейчас надо всем вопрос этот висит «зачем?».

Наша справка

Павлов Олег Олегович. Родился 16 марта 1970 года в Москве. После окончания школы призвался в армию, проходил службу в конвойных войсках Туркестанского военного округа, служил охранником в карагандинских лагерях, был комиссован по состоянию здоровья. Первые рассказы опубликованы в 1990 году. В 1994 году окончил заочное отделение Литературного института. Публиковался в журналах «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов», «Континент», «Вопросы литературы», «Москва» и других. С 1996 года основные литературные произведения публикуются в журнале «Октябрь».

Автор книг: «Степная книга», повествование в рассказах; «Казенная сказка», романы и рассказы; «Повести последних дней», трилогия; «Русский человек в XX веке».

Переводился на английский, французский, итальянский, китайский и словацкий языки.

Лауреат Букеровской премии.

Слова

Мария Ремизова, *литературный критик*:

– «Мучительное» письмо Павлова - один из редких на сегодняшний день примеров осмысленного речевого эксперимента, когда важен не сам языковой результат, а его художественные последствия, не текст, а смысл текста. А смысл «текста Павлова» (если рассматривать то, что он пишет, как более или менее цельное высказывание) кажется чем-то вроде попытки зафиксировать общий диссонанс между личностью и обстоятельствами, в которые эта личность помимо своей воли вовлечена.